

**Из выступления на заседании
Круглого стола «ЭКСПЕРТИЗА» (ГОРБАЧЕВ-ФОНД)
«ПЕРЕСТРОЙКА В ТРАНСФОРМАЦИОННОМ
КОНТЕКСТЕ»**

24 МАЯ 2005 ГОДА

...Должен вам сказать, что у нас в стране начало происходить что-то новое. Стали появляться исторические работы, основанные на огромных архивных материалах. Недавно читал книгу Вячеслава Никонова о Молотове – и не мог оторваться.

Сегодня нам предложено обсудить здесь по-настоящему правильно поставленный, наконец, вопрос о контексте перестройки. То есть мы действительно вступаем в какую-то иную парадигму осознания собственной относительно недавней истории.

Теперь по сути дела. Сегодняшняя дискуссия заставляет вспомнить о тех спорах, которые шли во Франции в первой половине XIX века (точнее – в 20-50-х годах), когда события французской революции и контрреволюции тоже пытались поместить в контекст французской и мировой (чаще говорили, правда, о европейской истории). Сейчас нельзя, наверное, не говорить в первую очередь о мировой истории. Так повелось во Франции еще до начала так называемой «эпохи глобализации» — со времен Броделя, и даже чуть раньше – со времена расцвета школы «Анналов» вообще.

Так или иначе, полтора с лишним века назад вопрос формулировался примерно так же: чего больше в событиях, в потрясениях, которые пережила Франция – обновления или восстановления чего-то? Причем одному – и самому, пожалуй, талантливому исследователю этих процессов, Алексису де Токвилю в течение жизни пришлось даже изменить свою первоначальную точку зрения практически на противоположную. И это произошло не только в результате титанической работы в архивах, но и под непосредственным впечатлением от происходивших в то время событий, явившихся отдаленным следствием «великой» революции. Если в «Демократии в Америке» Токвиль пишет о том, что Франция была захвачена мировыми провиденциальным процессом перемен, то в «Старом порядке» он попытался, оппонируя фактически самому себе вчерашнему, показать, как много старого на самом деле

восстановилось во Франции. Чем больше она менялась, тем больше восстанавливалась связь с традицией французской истории. И сегодняшние споры у нас совершенно неизбежны. Нам необходимо пройти аналогичный период интеллектуального освоения собственного прошлого.

Любая история, любая философия истории создается из неких кирпичей, которых не так уж много. Набор исторических представлений достаточно ограничен. Вопрос в том, как эти кирпичи выкладываются. И наша задача – подвергнуть самокритике свои, на самом деле – совершенно естественные, отчасти даже дорациональные, просто присущие нам, как человеческим существам и в этом смысле – равноценные представления о нашей детерминированности историей или о нашем разрыве с ней. Мы можем несколько раз в жизни менять позицию под влиянием каких-то биографических оснований, заново осознаваемых личных и семейных связей с прошлым, или же под влиянием событий, происходящих в стране и мире.

Учитывая недостаток времени, я ограничусь парой комментариев к тому, что здесь уже было сказано. Я буду говорить о малом круге идей, скорее приводя примеры, чем выстраивая логические конструкции.

Первое. Насколько высказанные точки зрения противоречат друг другу? На мой взгляд, они, скорее, взаимодополнительны. То есть противоречат друг другу так же, как на определенном этапе исследования электромагнитного излучения – пресловутые волновая и квантовая теории.

Второе. Распределительная сегодня экономика в России или рыночная? И распределительная, и рыночная модель сосуществуют в рамках всякой экономики. Один полюс – экономика государства Чад, где правительство на местном диалекте французского языка именуется «магазином». Но это не означает, что в Чаде нет элементов рыночной экономики. Такая экономика существовала всегда и везде. По крайней мере – с момента продажи первородства за чечевичную похлебку. Ее элементы были даже в СССР, где они не только не поощрялись, но буквально искоренялись. На другом полюсе – американская экономика, которая тоже в определенные периоды своей истории в своих фрагментах являлась распределительной. Во время Великого кризиса и Второй мировой войны это было особенно заметно. Я уж не говорю о британской экономике и т. д. Здесь все очень зыбко, очень гибко. Миф – одно, реальность – другое. Можно думать, что ты создал распределительную экономику, а она будет при этом пронизана рыночными отношениями, в том числе – не обязательно только предосудительного свойства. А можно формально сохранять рыночную экономику, как в Третьем Рейхе, только ни один фермер там не сможет курицу продать без разрешения властей. Поэтому говорить, что в России торжествует какой-то один тип, я думаю, имеет смысл в определенном контексте. Лично у меня, простите за невежество, нет достаточного материала для компаративного исследования, которое позволило бы сегодня однозначно ответить

на этот вопрос, хотя идеологическая эволюция достаточно очевидна. Но повторяю, миф это одно, реальность – другое.

Третье. Политика. Русская политика, конечно, по определению своеобразная. При этом очень многие факты и факторы, которые мы привыкли считать чисто российскими, вполне диагностируются в истории и других стран. Причем стран не только западных. Мы привыкли все-таки по традиции сравнивать свою страну с западными странами, хотя сейчас уже в мире доминирует другая парадигма, предполагающая сравнение более широкого круга цивилизаций между собой. В том числе и диохронически, то есть в историческом измерении, и синхронически – в географическом. Конечно, здесь – в трехмерном пространстве – у российской политики своя траектория. У каждой политики тоже выявляется своя траектория. Здесь необходима какая-то более сложная классификация, чем те, которые мы применяем сегодня. Эта задача на сегодняшний день удовлетворительным образом не решена и, думаю, в рамках предлагаемой парадигмы решена быть не может.

Что мы видим на самом деле? Если традиции, о которых мы говорим, – явление по сути дела дорациональное, и скажу корректнее – вне-рациональное, то эта проблема не решается чисто интеллектуально, и никогда решена не будет. Она решается только политически, ситуационно. Корни двух политических традиций – традиции консервативной и традиции, назовем ее условно, обновленческой – в природе человека, как она выражается в политике. А сами по себе интеллектуальные позиции (предполагающие интеллектуальную критику и самокритику), по-своему тоже совершенно неизбежные и, как говорил Иммануил Кант, «в пределах только разума» плодотворные, не транслируются непосредственно в политику. Обратите внимание – ведь и часть консерваторов признает необходимость «обновленчества». Вопрос не в признании или непризнании действительных или мнимых фактов, а в отношении к ним. Часть консерваторов считает, что приверженность, скажем, России или Германии, Франции или Японии своим традиционным ценностям – это хорошо. И часть считает, что это плохо, поскольку, по их мнению, под «традиционными ценностями» их апологеты фактически понимают приверженность самым заскорузлым предрассудкам. И часть «обновленцев» считает, что это хорошо, а часть считает, что это плохо. Из этого делают свои политические выводы.

Если на какой-то идеологической основе произойдет политическая сублимация базовых политико-психологических установок, возникшие политические силы смогут взаимодействовать прагматически, не ставя каждый раз общество перед интеллектуально неразрешимым и политически бессмысленным выбором. Это возможно при одном условии – если мы научимся не уничтожать свою элиту, и передавать власть без гражданских войн и переворотов. В определенный период, а именно – в послепетровский, ни одна передача власти в России не была нормальной с точки зрения законодательства и здравого смысла. Все передачи власти происходили в

воротов, заговоров, убийств. Даже если происходила «нормальная» передача власти, судьба того, кому эта власть доставалась, оказывалась незавидной. Эта особенность сохранилась и в советский период, и постсоветский. Так что же это – традиция? Если хотите – да. Традиция в рамках определенной парадигмы. Но нет таких парадигм, которые не менялись бы, если есть желание и воля их сменить. Сколько говорили о «коренных» английских или японских традициях, но у каждой из них было свое начало. И – у большинства – свой конец.

Если нам удастся решить задачу преемственности элиты, мы сменим парадигму. С чего начинать? С себя в каждой конкретной ситуации. И в этом отношении у меня есть повод для некоторого оптимизма. Сегодня мы пользуемся гостеприимством человека, который был властителем полумира, ушел от власти, и живет своим трудом, принимает нас неизменно, и сегодня в том числе, с вызывающим благодарностью хлебосольством. Не очень привычная для нашей страны ситуация, не правда ли? Может быть, действительно все-таки мы научились ценить не только человеческую жизнь вообще, но и жизнь своих правителей, воспринимая их власть, как что-то необходимое нам, существующее для нас, а не что-то заведомо или чуждое враждебное. Это, правда, зависит не только от граждан, но и от самой власти. Танго, как известно, танцуют вдвоем.